Поэма

ОТ РЕДАКЦИИ

Чо Ги Чхон родился 6 ноября 1913 года в селе Вонсан уезда Хверен провинции Северный Хамген в бедной крестьянской семье. Детство его прошло в Советском Союзе.

Жестокая эксплуатация и угнетение японских империалистов, оккупировавших Корею, заставили его родителей покинуть родной край и перейти через реку Туман. После окончания Омского педагогического института он года два преподавал в Кзыл-Ординском désinституте для корейцев (Корё). С этого периода и началась его творческая деятельность.

После освобождения Кореи Чо Ги Чхон вернулся на Родину. Он, будучи корреспондентом газеты «Чосон синмун», плодотворно продолжал и свою писательскую деятельность. С марта 1951 года он занимает должность заместителя председателя правления Ассоциации деятелей литературы и искусства Кореи.

В феврале 1947 года вышла в свет его поэма «Гора Пэкту» – его программное произведение. В нем автор поэтически рисует картину боя в Почхонбо, который войдет блестящей страницей в летопись революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена.

Среди произведений Чо Ги Чхона стихотворения «Песня о жизни», «Корея сражается» и многие другие, рисующие мужество нашего народа и бойцов Народной Армии в годы Отечественной освободительной войны, борьбу за строительство новой Родины.

С началом войны Чо Ги Чхон направляется на фронт военным корреспондентом. Здесь начинается работа над поэмой «Звено охотников за самолетами». Но поэма эта осталась незавершенной. 31 июля 1951 года Чо Ги Чхон погиб под вражеской бомбежкой в Пхеньяне.

Поэма

Гора Пэкту

Чо Ги Чхон

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
1990

ПРОЛОГ

Друзья и братья!
Тридцать миллионов!

Пока мой след на свете не исчез,
Сказать вам должен честно, непреклонно, –
Хочу, чтоб волны озера Небес,
Которые, подобно белым тиграм,
Вздымаются так высоко и круто,
Что достают до облаков,
Как взмах победного салюта,
В своих природой порожденных играх,
Водой своей мне сердце остудили.
Оно иссушено кровавым ветром,
В Корее бушевавшим все тысячелетья,
Что стали нам такою тяжкой былью.

Я кисть свою любимую беру.
Она – мой штык,
Мое оружье в битве.
Привыкшему к мечу,
А не к перу,
О чем сегодня должно говорить мне,
В самой свободой подаренном ритме?
О ней и говорить она велит мне.

Вонзились в небо каменные скалы.
Их крутизна страшна и недоступна,
На их вершины голые подняться
Не может даже утренний туман.
Но мы корабль свой,
Как бы ни устал он,
Корабль воспоминаний о бывалом,
Направим прямо в эту неприступность,
Против теченья времени – чего бояться! –
К тем вздыбленным историей хребтам,
К тем грозным и мучительным годам,
Когда Отчизны нашей партизаны
Сюда, на эти скалы сквозь туманы
Взбирались, как бойцы, а не рабы,
И зажигали на седых вершинах,
Где даже ветры вековые стынут,
Костер Освободительной борьбы.

Громя японцев, наши партизаны,
В таких тяжелых битвах наступая,
Корее Солнце принесли,
Свободу на штыках.
Пройдя по водам бурного Тумана*,
Через хребты коварные Чанбая,
Там, где любая горная долина,
Приветствуя наш боевой размах,
Хранит следы тех наших битв былинных.
И. я, свободный гражданин Кореи,

---

* Река на стыке трех государств — Кореи, Китая и СССР.

Как сокол, поднимаюсь на вершину,
Где ветры новые бодряще веют,
Откуда с высоты трех тысяч ли
Мне Родина видна как на ладони,
Где жизнь кипит в неистовом разгоне –
Счастливый край моей родной земли.

О, наших предков древняя земля!
О, кровеносных жил твоих сплетенье!
Здесь пять тысячелетий кровь лилась,
Кровь отвергавших пред врагом смиренье.
Нам не забыть,
Все поколенья помнят,
Как резали японцы нас ножами,
Как изнывал народ под палачами.
Да, вспоминать об этом нелегко мне.
Но разве ж нам забыть,
Как тысячи борцов
Ушли в тайгу Пэкту,
В глухую жуть лесов,
Как коротали ночи
На листве опавшей,
Недоедая, мерзнув и неспавши,
Свободы, воли жаждущий
Людской поток,
Шли через Землю Смерти,
Не в златой чертог,
Как через дома отчего порог.

Седой Пэкту!
Поведай миру, старец,

Народа друг и вместе с ним страдалец,
Кто в смертный час на палачей нас вел
И кто сейчас ведет вперед
Наш исстрадавшийся,
Измученный народ,
И не за горсткой риса,
А за счастьем,
Которого достоин
И к чему причастен,
На Родине свободной нашей,
Освобожденной от судьбы вчерашней.

На горном пике,
Будто изваянье,
Свирепый тигр застыл,
Великих сил созданье,
Тигр пэктусанский,
Легендарный наш,
Откинув лапу мощную,
Как боевой палаш,
На юг он гневный взор свой устремил.
Нет, не смирился он и не застыл!
Его громовый, страшный,
Грозный рык
Ущелье сотрясает, будит горы,
Грозя врагу возмездием, который
В чужую землю воровски проник.

Но чу!
Мелькнуло лишь одно мгновенье –
И он, подобно ветру,

Как в пылу сраженья,
Стремительно сорвался со скалы
И вмиг исчез в тумане.
Там орлы
Да ветры только буйные витают,
Меж скал могучих крыльями играя.

А я, придя в себя от восхищенья,
И сомневаясь,
И гоня сомненья,
Я жадно вслушиваюсь в ветра свист
Да как шуршит
С дерев опавший лист.
И кажется моей душе смятенной,
Что слышу я не вековые стоны,
А землю вновь потрясший гневный рык.
О как, Пэкту, ты грозен и велик!

Я на скале обрывистой стою.
Не здесь ли храбрость гордую свою
Народные герои проявили,
Когда японцев полчища громили?
Не здесь ли клятву верности сдержали,
Подобную каленой крепкой стали,
Мозолистыми от трудов руками
Свободы полыхающее знамя
Превыше всех нагорий водрузили?
Следы их здесь поныне не остыли.

О молчаливая,
Безвестная скала

У древнего Чанбая на хребте,
Чьи корни вековые, как в мечте,
С корнями сердца моего сроднились!
Такой толчок она
Моей душе дала,
Что песня рвется из нее, смела,
И я, тропой прошедших битв идя,
В пучок единый мысли собираю,
Быть может, недостойные героя,
За Родину сражавшегося, не скрою,
Что так хочу воспеть,
Покой веков будя,
Дорогу эту из пучины к раю,
Горячим сердцем рдея и вскипая.

Сограждане и братья,
Дети мы Кореи!
Быть может, так воспеть я не сумею
Народных подвигов величье и отраду.
Но и ваш суд мне будет тут наградой.
А кисть – в руке моей,
И вот я приступаю
К рассказу этому,
И кисть я в тушь макаю.
Пусть, как смогу,
Но отступать не смею.
Я песнь слагаю про героя, про мою Корею.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Холмы и скалы,
Скалы и утесы.
Им нет числа,
Им нет конца и края.
И если ты, натруженно ступая,
Пройдешь одну долину
По снегам иль росам,
Раскинется другая пред тобой.
И, проходящий горною дорогой,
По тем долинам ли и по отрогам,
Ты видишь – высоко над головой
Дубов могучих лапчатые ветви
Сцепились с кедров лапами столетних.

Долина медлит,
Поднимаясь в гору,
И снова опускается покорно –
Ей вздыбиться хребтом не суждено.
Но все ж она тут – горное звено.
Как человек, работой изнуренный,
Она живет бессильно и смущенно.
И далеко, на много сотен ли,

Лежит тайга, засыпанная снегом.
Сюда и звери рваться не могли,
Хвалясь внизу своим отважным бегом.
Сюда и птица долететь не хочет,
В глухое логово Чанбая,
Ни с утра, ни ночью.

Здесь вьюга, воя,
Намела сугробы.
Но между ними ты,
Борясь с ознобом,
Вдруг замечаешь одинокий след,
Бегущий вдоль этих утесов голых,
Ведущий к северу,
Как к счастью от бед,
Терзаний, мук и вражеских уколов.
Кто тут прошел?
Заблудившийся охотник,
Доверивший судьбу свою ветрам?
Но почему он к северным краям,
Туда, где седовласая гора
Швыряет вниз сугробы снеговые
И насылает вьюги ледяные,
Свой держит путь?
Пэкту его манит?
Иль тянет вверх какой другой магнит?
А может быть, и нам туда пора...

2

Смотри острее ты на этот след,–
Так человек растерянный не ходит.
Вчерашней ночью люди здесь прошли,
Их было сотни, трудно так брели,
Вооруженные, в халатах белоснежных.
Их вел порыв от непосильных бед,
Бездонных, безысходных и безбрежных,
Каких веками не избыть в народе.
Попытки ничего не принесли.
И вот он, новый след, теряется вдали.
Они, идя и с юга, и с востока,
Один лишь след оставив за собой,
Ушли на север по снегам глубоким.

А ныне здесь, гляди, – идут японцы,
До пояса проваливаясь в снег.
Бегут овчарки впереди отряда,
Блестят штыки, как у исчадьев ада,
И офицерские очки блестят.
Напорется на смерть свою отряд,
Им не блеснет от ненависти солнце,
Не улыбнется встречный человек.

– Тут одного лишь человека след,–
Ворчат Очки грабителя стальные.–
Ужели так здесь никого и нет?
Куда же дьяволы девались остальные?

Но фраза на лету оборвалась,–
Раздался выстрел в воздухе морозном,
Очки упали в снег. И не опознан
Стрелок, чей выстрел грянул по врагу.
Очки осколками разбрызганы в снегу.
Японская остановилась мразь.

3

И тотчас же,
Врываясь в тишину,–
Треск пулемета, выстрелы винтовок,
Ведь каждый бил теперь и смел и ловок,
Заполнили Хонсан – долину ледяную,
И эхо трижды повторило их
В вершинах громоздящихся своих,
Врасплох застигнув эту рать шальную.

– Вперед, вперед! – гремит на всю страну.

И белые халаты смело и сурово
Обрушились с утесов, словно камни,
На головы японцев. Загремел
Железный голос рукопашной схватки.
Штыки, сиянье снега отражая,
Подобно синим молниям сверкнули.
Победу партизанскими руками
Добыть в бою! Века народ терпел
Разбойников жестокие порядки.
И вот, в боях день ото дня мужая

И не страшась уж ни штыка, ни пули,
Восстал народ Кореи, горд и смел.
– Товарищи!
Пусть ни один японец
Живым от нас сегодня не уйдет!..

Кого такой-то клич теперь не тронет?

– Вперед, вперед, товарищи!
Вперед!..

4

Так командир отважных партизан
Воскликнул, эти горы оглашая.
Его Корея слышит, мать родная,
Готовая воздать ему хвалу,
Ему Отчизной этот голос дан.
Он, юноша, взбегает на скалу,
Его халат подобен белым крыльям,
Стремящимся подняться в небеса,
Орлиным словно награжден усильем,
Товарищей он слышит голоса
И взгляд его пронзает поле боя.
Разбужено пространство вековое.

– Товарищи!
Пусть ни один японец
От нас живым сегодня не уйдет!..
Кого сегодня клич такой не тронет?

– Вперед, вперед, товарищи!
Вперед!..

В руке его сверкнул кинжал каленый –
И два японца рухнули на снег.
Их пули мимо пролетели. В стонах
Грабители отправились в ночлег –
Ночлег свой вечный, отколь нет возврата.
Таков конец любого супостата.

Кто этот юноша,
Над кем не властен тлен?
Он – партизан водитель,
Ким Ир Сен!
Победоносной битвой партизанской
Руководит он чуть не с малых лет,
Пред ним японцы в злобе окаянной
Дрожат, боясь его лихих побед.
Уже давно идет молва в народе
О том, что Ким Ир Сен – хозяин гор,
Что и хребты – друзья ему в походе,
Готовые дать извергу отпор,
Что пожелает – и сомкнет вершины,
Седые шапки вечного Пэкту,
И расстилаются пред ним долины,
Когда он держит путь на высоту,
Что он, подобно гордой горной птице,
Лишь к высоте пленительной стремится,
Его зовут вершина за вершиной,
И лишь по ним он правит свой полет,
И никакие не страшны стремнины

Ему, когда он свой отряд ведет.

Легендам жить, как и живым истокам.
На Севере зажглась Звезда Востока
И озарила ярким светом горы,
Крутые берега бурного Амнока,
И клич в народе возгласил: – Заря!..
Хребты Пэкту, жить в вечности которым,
Зарею утренней охвачены, горя.
Ниспослан Небом богатырь Кореи?
По имени и в самом деле – Ким!
Да, по горам его знамена реют.
Да, он и молод, и непобедим.
Отряд бесстрашных следует за ним.

5

Возмездия японцы не минуют,
Им поражения не избежать.
За Родину извечно трудовую
И поднялась народной мести рать.

Стремительная битва отгремела,
И партизаны, воины тайги,
Оружье собирают, в одеянье белом
На белом на снегу. Лежат враги,
Заснув в чужбине непробудным сном.
Таков конец им всем. И поделом!..
А сколько их,
Которые бежали,

Забыв и про микадо своего!
Забыв, зачем сюда их дико гнали.
Честь самурайскую подрастеряли.
А что приобрели-то? Ничего.
Лишь только ямку в тех снегах глубоких,
Завоеватели Кореи и Востока...

– Нет, ни один отсюда не ушел
Из них, принесших это нам оружье!

Чхор Хо докладывает, потирая ствол
Японского ружья. Вот и японец нужен,
Иначе где бы взять таких винтовок?
А партизан вот и на это ловок.
И Ким Ир Сен смеется скупо. Он
Улыбкой заревою, что пион,
Ответил партизану своему.
Хвала и честь народному уму!..

6

Метет метель.
Все в мире стало белым –
Долины, скалы, небо, сопок ряд.
И кедры, сплошь осыпанные
Снегом, точно мелом,
Как яблони цветущие, стоят.
Под кедрами раскинуты палатки,
И сладок дым горящего костра.

И партизаны так заснули сладко,
Что не разбудишь их до самого утра.
И лишь в одной палатке до зари восходной
Не гаснет лампы слабый свет походной.

Отсюда, из палатки Ким Ир Сена,
Когда рассвет забрезжил вдалеке,
Чхор Хо уходит в путь благословенный,
В далекий путь с винтовкою в руке.
И пусть метель бушует неустанно,
И от мороза лютого
Земля, как дуб, тверда,
Не удержать на месте партизана,
На сердце у него тепло всегда,–
И от рукопожатий командира,
И от его прощальных добрых слов:
– Будь осторожен, верный друг. Ведь в мире
Все так тревожно, так полно врагов.
Ну, в добрый путь, Чхор Хо!..

И он пошел.
Ему места знакомы хорошо.
Тропинка, что собачка, вслед за ним
Бежит, и след его неугасим.

7

Метет метель…
Она в долинах бродит,
В ущельях, в рощах,
Словно потеряв
Кого-то, что-то там,
Да только не находит
Ни по сугробам
И ни по следам.
И плачет, горько отрыдав
И жалуясь на жизнь свою такую,
Что все ей в этом мире дико, тесно,
Рычит от злобы, словно дикий зверь,
Кидается на стены скал отвесных,
Не возвратя мучительных потерь,
Несется бешено на юг и на восток,
Где льдом покрылась и река Амнок.

Метель, метель!
Ты знаешь, что по скалам
С тобою вместе партизан Чхор Хо
Идет, чтоб за великою рекой
Ступить своей усталою ногой
На землю Родины? Легко ль
Идти по этим скалам и увалам?
Споткнется тут и удалец лихой.

Метель, метель!
Ты тоже из Чанбая,
И партизану ты должна помочь.
Дорогой трудною,
Вконец изнемогая,
Идет он день за днем, за ночью ночь,
В Сончжин, в Хамхын,
Минуя пограничный,
Опасный пешеходу город Н.
Хоть этот путь ему такой привычный,
Но нет ведь здесь ему былых отцовских стен.

Метель, метель!
Подруга партизана!
Мети сильней и укрывай его
От хищных глаз японских,
Злого стана,
Чтоб за Амнок родной он перешел
На землю Родины своей священной.
И по-сыновьи преклонил колено
Пред ней, сжимая верный посошок.
Метель, метель, помощница в борьбе!
За все, за все отплатится тебе…

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Над горной деревушкою туман,
Сопровождая сумерки, неслышно
Нащупывает тропки по пути,
А их-то тут и нет, как ни крути,
Их заново прокладывать тут надо.
Он стелется по сумрачным холмам,
Ползет, похожий на овечье стадо,
И нежно гладит скалы Сабальбона
Так терпеливо, бережно, влюбленно.
Потом скрывается в лесу сосновом,
Как будто собираясь подремать...

Туман, туман! Зачем встаешь короной
Над тем хребтом, которому стоять
Тут вечно, а сегодня ожидать
Живую встречу с поколеньем новым?
Ну что ж, спускайся к дремлющей деревне,
Начав свой путь с Пэкту вершины древней.

2

– Уже стемнело, –
Молвила она.

Кот Пун удивлена и смущена,
Что день кончается,
А сколько сделать надо!
Она давно уже сама себе не рада.
В горшке на очаге одна вода,
А это уж какая там еда!
Давно уж в чане рису ни зерна,
В нем сплел паук немыслимые сети...

Густеет сумрак.
Тяжко ей на свете.
Теперь ее судьба –
Бродить и собирать
По горстке корни, чтоб обед подать,
И ужин, да и завтрак заодно.
Другого ничего ей не дано.

Покрыла землю тьма.
Очаг дымит.
Умолкли мирно птицы в старых гнездах.
В седом тумане деревушка спит.
Чего ж кухарить-то
Она взялась так поздно?
А все еще полупуста корзинка.
Что корешки? Тщедушные былинки...

3

О, корни чык!
Здесь, на родной земле,
Цветут цветы и бабочки порхают.
Зачем же женщины и дети,
Как по огонь-золе,
С распухшими от голода ногами
Здесь бродят, удрученно собирая
Такую горькую траву, не зная
Уже и вкуса риса?

Там же, за горами,
На всех вокзалах, на морских причалах –
Повсюду горы риса громоздятся,
На Гэнкай-нада* зыбистый глядятся,
Где корабли волна так раскачала...

Кто этот рис вывозит за границу?
Кто ест его?
А нам вот тут томиться.
О, горький корень чык!
Ты год от года
Печально делишь тут судьбу народа...

---

* Гэнкай-нада — пролив, отделяющий Корею от Японии.

4

Кружится черный ворон над тайгою
С приглядкою стервятника косою
На бледную, усталую Кот Пун
И каркает, и дергает крылом.
Чего, проголодавшийся крикун,
Он ищет над примолкнувшим селом,
Или ведет кого в гостеприимный дом?

А тьма течет, сгущаясь по тропинкам,
И на душе Кот Пун темно и страшно.
Не возвращается ль с укором день вчерашний,
Или случилась где
Какая-то запинка?
Не волшебство ль какое?..

И внезапно, вдруг
Возникла тень из глубины лесной,
Загородив собой
Петлявую тропинку.
И обжигает девушку испуг.

Кто это?
Призрак или человек?
Зачем сюда такой ночной набег?..

5

– Как, девушка,
Найти нам Ким Юн Чиля?

– Конечно, знаю.
Моего отца?!.

И загорелое лицо мужчин
Почти касается ее лица.

– Так ты Кот Пун?!. –
Глаза его блеснули.–
Такого счастья и не ожидал!

Как по наитью,
К лесу обернулись
Он и она.
И вот его сигнал:

– «Покук! Покук!» –
Звучит в тиши ночной.
– «Покук! Покук!» –
Ответил друг лесной.

И две фигуры выплыли из мрака.
Народные гонцы?
Народные вояки?..

6

О многом говорить нам недосуг.
Ночь – не для сна.
Их четверо в лесу.
Один – Чхор Хо,
А остальные трое –
Его товарищи.
Свело их боевое
Задание. И вот они сидят,
И только звезды с ними говорят.
Чхор Хо далекий путь сквозь непогоду
Прошел по этим синим небосводам,
Мороз и вьюги били с ног. И вот
Он тут. Прими его, родной народ.
И след его в снегах уже исчез.
Зачем пришел сюда, в сосновый лес?

Когда лучами солнца молодого
Растоплен был на горных склонах снег
И под лучами утра золотого
Трава пошла по всем холмам в разбег,
В багульнике опять весна блеснула, –
Не оглянуться ль, что Чхор Хо прошел?
Какие горы позади!
И ночи караулом
Ему стояли на пути большом.
Его уж и не спрашивай о том...

Второй его товарищ – из Хамхына.
Немолодой рабочий. Верный друг.
Корея бережет любого сына,
И каждого тут не берет испуг.
Лекарства носит он в ущелье Хонсан,
Ему такой приказ в отряде дан.
А там, в Хонсане, есть одна больница,
Где и больной, и врач,
Коль встретиться случится,
«Товарищ!» – говорят другу.
Вот там как.
И так тепла у них в руке рука...

А третий человек из них – связной.
Ен Нам. Совсем парнишка молодой.
Ему всего шестнадцать лет. Сейчас
Пробраться в город Н ему приказ.
Он весел и поет про дальний путь,
Про горы Ариран. Отдохнуть
Успел ли он? Того и сам не знает.
Ему знакома сторона родная...

7

Уже совсем сгустилась ночи мгла,
Но словно солнце позднее блеснуло, –
Так озарились щеки, так мила
Кот Пун вдруг стала, словно ожила
Такая скромница под взглядом Чхор Хо.
Да, тут большое дело развернулось, –

Она печатает листовки партизан.
И поднял на борьбу его приход
Не только эту девушку, – придет
Пора и для других в глуши таежной,
Тут будет ткать бинты крестьянский стан,
Тут и одежду шили партизанам.
Хотя она и догадалась поздно,–
Чхор Хо предстал пред нею молодым,
Таким в своих заботах неустанным.
Высокий юноша, не пожилой совсем,
С лицом открытым и горящим взглядом.

«Лет двадцать пять ему, не больше...» –
Думает Кот Пун.
Чуя рядом
Такого человека из отряда,
Какой красавицы язык тут будет нем?
Любое сердце дружбой отзовется.
Ему б сказать об этом.
А ему неймется:

– Кот Пун, а где ротатор?
– Там, у родника.
Под камнем...

Тайна смелых глубока.
Никто подполье это не откроет.
Их дело трудное.
И очень непростое...

8

Деревня спит.
Покой и тишина.
Ждет пробужденья древняя страна.
А двери полицаев приоткрыты.
За горной деревушкою несытой
Следят, конечно, эти стражи зла.
Кот Пун служила людям, как могла...

И вот в лесу прощаются друзья,
Друг другу молча пожимая руки.
И их сердца, испытывая муки
Такой уж неминуемой разлуки
И крепкой дружбы спаянность тая,
Вскипают новых подвигов огнем.
Но мы еще поведаем о том.

Рукопожатья боевых друзей –
Они подобны клятве партизанской.
Чем крепче клятва, тем бойцы смелей
Идут на битву с сворой окаянной,
В огонь и дым, в любое пекло боя,
В японские застенки, коль такое
Судьба пошлет, на виселицы, в ад!
Никак нам нет в борьбе пути назад.

Рукопожатья боевых друзей –
Они чисты, как детская улыбка,

Прочны, как материнская любовь,
И горячи, как солнце над Кореей.
И почва никогда не будет зыбкой
Под нашими ногами у дверей
К победе полной над армадой всей
Японской мрази. Высью голубой
Нам жизнь откроется.
Скорее бы, скорее...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Давно-давно
В густом бору сосновом
Стоял шалаш – охотников приют.
Ущелье то звалось Сольге. Сурово
Его прозвали люди, встретив тут
Орлов. Орлиное! Случайно ль
Облюбовали эту глушь орлы?
Да вот сейчас их нет.
Какая тайна
Исчезновенья их? Кто даст ответ?
На голых скалах ворон одинокий
Печально каркает, пугая тишину.
Что занесло его на этот пик высокий?
Зачем он будит мирную страну?

Корейцы тут охотой промышляли,
Ведя беседы скромно у костра.
Им эти крики тут нужны едва ли,
У них свои житейские дела.
Оружье чистили, на скалы глядя, –
Не ради войн, а только жизни ради.
Прошли века, и ржавый арсенал

Пришлось японцам бросить
В жадный их оскал,
Пускай подавятся...

И стал крестьянин тут,
Надеясь лишь на свой нелегкий труд,
Лес выжигать,
Ютясь на землях нищих,
Питаясь травами да корневищем,
Да сея просо или гаолян.
Удел печальный тут народу дан...

2

В Сольге,
Совсем отторженный от света,
Обосновался старый Ким Юн Чиль,
Сказать по правде, в этом нет секрета,
Он сам поведал людям эту быль, –
Когда-то, после мартовских сражений *,
Японцы зверски тут его жену
Замучили, сожгли вокруг селенья,
И тысячи корейских воинов страну
Свою покинули, ушли в Китай,
В чужой им всем и небогатый край,
Аж за реку великую Туман.
Запрятал старое ружье,

---

* Имеется в виду народное восстание 1 марта 1919 г.

Как партизан,
В глубокое дупло сосны столетней,
Пошел и он бродяжить,
Да взял к себе дочку малолетнюю,
Да счастья не нашел,
И стал, как все, землицу здесь копать,
Засыпав ею горести и беды
И схоронив надежды навсегда.
Такого радостно ль иметь соседа?
Но как прожить на свете без труда?..

Но вот, год, два ль тому назад,
В нем ожили мечты былые,
Те ожиданья, как святые
Надежды, вдруг столпились в ряд.
И в их глухую деревушку
Дошла народная молва,
И каждый, ушки на макушке,
Прислушался – мечта жива:
Внутри Пэкту пещера скрыта.
А чем она так знаменита?
Там светит солнце, блещут звезды,
Такою силой полон воздух,
Что вмиг растут богатыри
И сабли точут о скалу.
Там радости поют хвалу,
Там ждут лишь утренней зари,
Чтоб в битву ринуться. Приказ
Им озарится в грозный час –
Тогда и ринется поток
Богатырей, как на восток

Стремятся реки, и сметет
Японцев трудовой народ
С своей земли, чтоб никогда
Пути не ведали сюда.

Тогда Кот Пун и приняла заданье
От Чхор Хо. И утреннею ранью
Взглянув, как на волшебную, Пэкту,
Вздохнет душою всей,
Иссушенной тоскою,
И как потока вешнего волною,
Омоется ее душа. Мечту
Тогда ее ничто не охладит.
Иди вперед, красавица, иди!..

3

Седой Пэкту!
Истории свидетель!
Ты тысячи веков живешь на свете,
На доблестной груди твоей
Кровавы раны
Оставили копыта полчищ Чингисхана.
Здесь кровью нашею обагряны
Мечи соседней вражеской страны –
Мечи кривые наглых самураев,
Привел которых Хидэёси* кровавый,
Себя покрывший черной, гиблой славой,

- Хидэёси – главарь японских войск в XVI в.

Вонзилось в тело вечное твое
Их ржавое стальное лезвие,
Кривые зубы этой волчьей стаи.
Да и конец позорный принесли
Века правленья царству Ли.

Корея,
Твой народ,
Обиды не тая,
Свои родные покидал края,
Не вытерпев такого мрака годы,
И поднял, и понес факел свободы,
Святое дело предков продолжая –
Героя Хон Ген Рэ*
И добрых витязей страны –
Героев Кабоской войны**.

Пять тысяч лет простой народ Кореи
Тебя лелеял, Мать-земля родная.
Тебя японские терзали змеи
Такими ядовитыми зубами,
Что вся покрылась черными рубцами,
Под гнетом извергов изнемогая.

О, славная гора Пэкту!
В изнеможеньи
Бессильно голову склонила долу ты.
Но наш народ, отважный на сраженья,

---

* Хон Ген Рэ — предводитель крестьянских повстанцев.

** Массовое восстание против угнетателей в 1894 г.

Огонь борьбы зажег.
Презрев терпенье,
Корейцы за мечи взялись.
Как из мечты,
Из сказки будто, вдруг встают отряды
Бойцов бесстрашных, смелых и лихих.
Им и приказывать идти на бой не надо,
Сам дух свободы поднимает их.

И в первый день весны
Восстанье началось.
Заводы встали. Полыхнула злость
На извергов. И слышен стон голодных,
Стон земледельцев, вечно несвободных,
И даже воды Сунгари
Слезой плеснулись,
И впала Великая китайская стена
Под гнет завоевателей.
И сердце оглашается напевом –
Великим гимном вольности. Сокрушена
Покорность старая,
И кровь кипит в сердцах.
И вот они явились – партизаны.
И расступаются тяжелые туманы
Под знаменем святым сопротивленья.
Эпохами становятся мгновенья.

Гора Пэкту!
Мрак сходит полуночный.
В груди твоей забушевала буря,
Подобно шторму на море Восточном,

Когда не до зари, не до лазури,
И с гневом смотришь
На заклятых ты врагов,
Пришельцев из страны заморских островов.

4

Ее Кот Пун назвали. Потому,
Что не равна в красе тут никому.
Девичье имя. Кот – цветок, Пун – пудра.
Придумали ей это имя мудро.
Она красива, как цветок весенний.
Такое имя было ль в поколеньях?
Она нежна, румяна и бела.

Она, быть может, рано расцвела.
И детство под Хэсаном пробежало быстро,
Как всплеск зари,
Как птицы вскрик, как выстрел.
Живя в Сольге,
В деревне одинокой. Неустанно
Они с отцом трудились, бедняки,
В четыре, отдыха не знающих, руки.
Она не знала школы, новых книг,
И лишь отец, как улучшится миг,
Немудрой грамоте ее слегка учил,
Хотя он грамотен и сам не очень был.
Но долгими осенними ночами
Учил, как мог. Бедны учителями
Корейские деревни. Не до них,

Когда ни зернышка чумизы у самих.

Но девочка уже могла читать
Корейские потрепанные книги.
Какие там студенческие сдвиги!
Слегка б иероглифы разбирать,
Хоть что-то бы из этих книг узнать.
С трудом, но и прилежно так читала,
Мучителей-торговцев проклинала,
Купцов заморских, извергов-шакалов,
И слезы ненависти, гнева утирала.
Мучители! Ведь бросили Сим Чхон*
В пучину моря. Извергам закон
Не писан, что им бедных боль!..

И корни диких трав тут собирала,
А вместе с ними заодно мечтала
И голову наместника-нахала
Смахнуть ножом
Иль топором,
Ведь он когда-то
В застенок заточил Чхун Хян**.
Отмстить бы лиходею-супостату.
Отец рассказывал, грустя, про это.
Печальные истории. Поэтом
Такие были исстари воспеты.
И были тех далеких лет
Оставили в душе

*** Сим Чхон и Чхун Хян — герои произведений корейской классической литературы.

Неизгладимый след,
Наполнив сердце ненавистью, болью
И к Родине великою любовью.

5

Ночами долгими все думала она
О матери, японцами убитой.
И каждый нерв души ее дрожал.
Такая вот несчастная страна
Печалью неизбывной знаменита.
Где ты еще такую повстречал?..

И видится ей юноша, что откусил
В застенке свой язык из всех последних сил,
Чтоб и во сне не выдал, не сгубил
Товарищей, с какими в битве был,
Не застонал на плахе палача.
Так ненависть к злодеям горяча.

И думала о доблестной крестьянке,
Укрывшей мужа от японских бонз
На чердаке, под слезной крышей звезд.
Ее кололи зверскими штыками,
Она ж ни звука перед палачами.
Где вы теперь, священные останки?..

Не выдала ни стоном, ни мольбой.
Боялась – муж услышит, тут же вмиг
Соскочит вниз на этот горький крик.

Вот и Кот Пун хотелось быть такой,
Пройти сквозь битвы, клятвенно тверда.
А что стерпеть придется, – не беда...

6

Ночь в горной деревушке. Тишина.
Сельчане спят, рваньем своим укрыты.
И мельница притихла, не слышна
Ее работа, шум воды в колесах.
Умолк и говор горемычный плеса,
Как голос голодающей Сольге,
Печальный символ нищенского быта.
Эх, тут бы разыграться вдруг пурге!..

И лишь в одной избушке ночи нет,
Тут напролет всю ночь кипит работа.
Здесь тишина наполнена полетом
Души, труда, стремленья и борьбы.
Теперь и нет другой у них судьбы,
Листовки – вот они!
А завтра их, чуть свет,
Возьмет Чхор Хо и унесет в народ.
У девушки теперь
Полно таких забот.

Вдруг слышатся тяжелые шаги.
– Гасите свет!.. –
То голос Ким Юн Чиля,
Стоящего на страже у окна.

Теперь они одной заботой жили.

Чхор Хо схватил листовки и ротатор,
Но поздно – полицейский у двери,
Без риска уж и дверь не отвори,
Ведь всем известен нрав-то супостата.
Ночь так темна,
Что не видать ни зги.
И даже ноги у Кот Пун застыли,
И двинуть ими не могла, –
Так перепугана
И так удивлена.
И как бы ни был ты в себе уверен,
Но тут уже не избежать потери.

Мгновенье длится,
Как тысячелетье,
И мысли, словно молнии, летят.
Опасность –
Не в расплате, не в ответе, –
Листовки-то куда?
Вот как подкрался, гад...

7

Как быть девчине, –
Кто ей тут подскажет?

– Чхор Хо! Давай к отцу под одеяло, –
Во тьме спокойно говорит Кот Пун. –

Листовки и ротатор на, туда же!
А я ему тут оборву тропу...

Но как поверить,
Что он их не тронет?
У этого удава ядовито жало.

– Эй, спишь, старик? –
Кричит с крыльца японец.

Хоть и девчонка,
Все же не пристало
Пугливой быть Кот Пун.

– Кто там? –
Спросила голосом
И сонным и усталым.

– Эй, глупый разговор к чертям!
– Ах, извините, я совсем раздета...

Тревога птицей мечется в мозгу.
А как с такой тревогой у мужчин?..

– Сейчас накину платье.
Свет зажгу...
О, господи! Пролился керосин...

Убить, убить ротатора опасный запах!

– Одну минутку…

В полицейских лапах
Сейчас не время никому побыть.
А он в окошко видит, – вот же как! –
Полураздетой девушку, простак.

– Войдите...

Пригласила, улыбаясь томно,
Как бы еще во власти сладких снов.
Да ей теперь и не до лишних слов.

8

– Фу, как в такой твоей лачуге темной
Воняет керосином! Дверь открой...
А это кто?
– Да муж мой...
– Хороша девица!
Как вышла замуж – рано улеглась.
И никогошеньки нисколько не стыдится.
– Ах, что вы, господин!
Ночь вон уж сколько длится.
Сейчас уж поздно...
– Эй, старик, вылазь!
– Не может он. Простуда прихватила...
– Болтай поменьше! Старику ж скажи,
Чтоб завтра утром,
Хоть и через силу,
В участок к нам пришел.
Да меньше лжи

Пусть принесет. Откроем
Любую тайну, если что...

Ночною
Прикрывшись от злодея темнотою,–
– Простите,–
Молвила она ему.

Беседа эта канула во тьму.
И девушка – на кухню, тайну кроя,
Оставив в темноте подпольщика-героя.

«Какой товарищ и боец – Кот Пун! –
Шептало сердце юноши во мраке.–
С такой в любую ринешься атаку».

Перед такою преклонить колени
И храброму из храбрых не грешно.
Такие дочери растут в Отчизне!..
Таким и за одну отдашь две жизни.
Достанет ли в душе горячих струн,
Чтобы воспеть строй наших поколений?
Такое нам с рожденья суждено...

Пора и к делу, человек лихой!
Схватив листовки,
В ночь ушел Чхор Хо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Огонь костра мерцает в темноте.
Глухая полночь над тайгой Чанбая.
Как будто мир тревожный опустел,
Ум черные покровы покрывают.
Огонь костра то вспыхнет,
Звездный рой,
Рассыпав в темноте,
То вновь к земле пристынет,
Сражаясь словно с непроглядной тьмой,
Как с страшным одиночеством в пустыне,
Подобно смертной схватке на тропах Пэкту.
Как ринуться в такую темноту?..

О, пламя партизанского костра!
Вблизи тебя страсть к жизни так остра,
К победе воля так неудержима,
Что все невзгоды пролетают мимо.
Твой треск веселый пробуждает веру,
Зовет к борьбе,
Душе надежду шлет.
Какой твой пыл
Земной измерить мерой?

Огонь твой каждого из нас зовет вперед.
Ты заменил родной очаг любому,
Свой скудный ужин на твоем огне
Мы греем,
И в таежной тишине
С тобою забываем про истому.

Под треск валежника в костре
Заснуть отрадно.
И мы тепло твое вдыхаем жадно.
Зовешь ты к новым схваткам.
И тебе
Мы благодарны в яростной борьбе.
Дорогой смерти ведь к тебе пришли
Бойцы, они победу принесли,
Разбив врага карательный отряд.
Костры неугасимые горят...

Костер, костер! Товарищ партизана!
Ты согреваешь боевые раны,
В полночной мгле мерцаешь маяком,
Надежду даришь на пути крутом!..

2

От долгих переходов ноги ноют,
И стонут раны,
А четвертый день
Не приютила никакая тень,
Как будто все пространство тут пустое.

Еды и отдыха не видели, не знали,
И снился им какой приют едва ли,
Ведь на ходу дремота так мала!
Лишь вера в дело правое жила.

Но вот сейчас и сон подарен им.
Им отдых, как глоток воды, необходим.
Сон так глубок.
Один лишь человек
Глаз не сомкнул.
Печатных строчек бег
Ему не даст покоя до утра.
Он лег у распаленного костра,
Облокотясь на землю.
Мысль остра
В тревожной книге.
В ней указан путь,
С которого ты не посмей свернуть.

Как ночь летит, не замечает он,
В раздумчивое чтенье погружен.
Для чтенья только ночь ведь и дана.
Вождям такая участь суждена.
Он в каждой строчке обретает силы
И к цели путь становится ясней.
Так тускло ты,
Таких ночей светило!
Лишь огонек костра
Луны и звезд светлей.

Шалаш – его походный кабинет.

Тут нет простора,
Но и ветра нет.
Когда душа в мечтаниях ликует
И к книге тянется,
Как к светочу, рука,
И в ту минуту боли роковую,
Когда тревожно на душе, когда
Отчаяние сердце леденит –
Тогда лишь книга в помощь и приходит.
Берет он книгу в руки и тогда,
Когда в похлебке мяса ни куска,
А варится в котле ремень солдатский
И лишь вода, пузыряся, кипит,
Какой-то суп напоминая вроде,
Когда вдруг вспомнится
Их старый, ветхий дом
В краю незабываемо родном,
У той горы под соснами, где детство
Провел свое (теперь бы наглядеться
На этот край, который не забыть), –
Тогда лишь книга может заменить
Все это, возбуждающее душу.
Твой ум тогда лишь книге и послушен.
Успокоенье в книге ищет он.
И вдруг ему привидится, как сон,–
Мать вновь пустую стряпает похлебку,
Вздыхая грустно и мечтая робко
О дне другом, когда придет достаток,
Сама как будто в этом виновата.
И тут его она же выручает –
О жизни книга, благодать святая.

Раздумье гложет.
«Да, пока нас мало.
Но воля, но уверенность в себе –
Залог победы в праведной борьбе.
Настанет время – и зарею алой
Осветится Отчизна,
Что века страдала,
Ведь не народ Кореи только с нами,
За нас народы Северной Страны,
В которой справедливость и свобода
Воздвигли крепость счастья народа,
Которым не страшны и все цунами.
Нам битвы и победы суждены.
Агрессиям и тьме грядет конец».

Того и жаждет каждый наш боец.

Еще он жадно ждет,–
Вернутся люди,
Кого за продовольствием послал.
И пусть их завтрак
Будет все же скуден,
Но хоть какая бы еда была.
Придет, быть может, весть от Чхор Хо.
Как долго нет ее...
Да, труден их поход.

Костер, борясь всю ночь
С дремучей тьмой,
Вот и потух, смутясь,
Пропел отбой.

И на востоке золотой рассвет,
Постель ночных туманов убирая,
Легко встает над высями Чанбая.
Готовы ль проложить вы новый след?..

3

Не радостен приход его посланцев,
Тревожно сердце встретившего их,
Хотя лицо у каждого пришедшего в румянце,–
Приказ исполнен!
Но отряд притих.

У командира взгляд настороженный.
Что за быки? Откуда? Кто их дал?..
Но лагерь всполошился, возбужденный,–
Еда пришла! Вот то, чего ты ждал!..
Уже спешат раздуть костер, и точат
Ножи на тех упитанных быков.

Но Ким Ир Сен смущен и озабочен.
– Где раздобыли их? Таких добротных, сытых?

А впрочем, все он видит и без слов.

– На лесоразработках у японцев!

Ответ горяч,
В глазах же тайна скрыта.
Но младший командир,

Храбрейший из питомцев
Отряда, чувствуя бойцов,
Так исстрадавшихся, голодных,
Стоит, герой, раскованно, свободно,
Не чувствуя грозы.

– Где раздобыли вы таких быков?..

Но ведь все видно и по бычьим мордам,–
Цветные украшенья, смотрят гордо,
И вышивки, и вот набор монет.
Не скрыть уж никому таких примет.

– Товарищи!
Я спрашиваю вас,–
Давно ли партизаны обратились
В грабителей народа своего?
Японцы так быков не украшают.
Вот этого быка кореец пас,
А этого – китайцы, братья по борьбе.
Чужое вы присвоили себе...
И не одни грабители смутились,
Всем стало совестно. И за кого?
Семья такая дружная, большая...

И будто голод смолкнул, отступая.
Все в тех словах услышали приказ
Вернуть быков хозяевам сейчас.
И снова принялись сбирать коренья,
И завтрак их – похлебка из травы.
Расселись на поляне. Униженья

Такого век не знали. Каковы!

А те быки, почуяв вновь свободу,
Лениво побрели к деревне.
Этак сроду
Не обращались с ними.
И траву
Пощипывая, возвращались к дому.

Такое вот случилось наяву,
Не в сказке. Значит, надо по-иному
Жить воину свободы боевому.
Но все же им сойдет ли с рук такое?
Быка-то одного убили все же
Дорогою сюда...
Нет, видно, строже
Быть надо и к себе. И за любое
Непослушание, любой позор –
Жди от отряда тяжкий приговор...
Вокруг командира все кольцом сомкнулись.
Безмолвен в центре Сок Чжун, потупив взор.
Никак тут, видно, кары не минуешь,
И сердце каждому грызет укор.
А солнце робко так в тайгу проникло,
Оно еще к такому не привыкло.

– Я спрашиваю,– кто убил быка?

Ответа нет, тяжелое молчанье.
И тяжкая, немая тишина. Никак
Рта не разжать. Как изваянье,

Застыли все.

– Так кто убил быка?..

Никто не знал, и потому молчали.
Позора этакого тут не ожидали.
Но тихо расступился тесный строй,
Выходит бледный парень молодой.
Сок Чжун? Такой-то праведный солдат?..

– Товарищ командир, я виноват...

И сразу вздрогнул изумленный строй.
Ужели ты, прославленный герой?
Любимый всеми,
Всем и друг и брат,
В таком-то преступленьи виноват,
В атаках и разведках резв и смел,
Как на такое ты пошел, пострел,
Нарушить смог присягу и приказ?

Земли не чуял под собой сейчас,
Глаза потупив в землю,
Партизан Сок Чжун.
Лицо – бледнее олова.
А был ведь не хвастун,
Не забияка, золотой боец.
Сдавленным голосом
Промямлил наконец.

– Товарищи,

Четыре дня никто
Не ел, не пил,
У всех кошель пустой...

– Ишь, пожалел!
– Позор ему, позор!.. –
Послышалось со всех сторон.

Не спор
Тут начался,
Прямой солдатский суд.
Всех обуял неудержимый зуд.
От справедливости
Как отступить посмел?
У каждого тот приговор в уме.

– Нет оправдания ему!
– Позор!..
– Японцам помогаешь!
– Ты – разбойник, вор!..

И прохрипел Сок Чжун
Друзьям в ответ:

– Японцам помогаю я?
Э, нет!..
– Да, ты!
– Разбойник, жулик, вор!

И сухо щелкнул сдавленный затвор.
– Я стою смерти...

Только и сказал,
И как над собственной могилой встал
И дуло в грудь направил,
В грудь свою,
Какою дорожил он и в бою.

И прогремело:
– Смирно!..

Смолк внезапно строй.
Тут командир хозяин,
Как отец родной.

5

– Товарищи!
Как маленький ручей,
Соединясь с другими силой всей,
Становится могучею рекою,
Так мы, с народом всем соединясь,
Должны стать и рекой,
И даже морем,
Не уравнясь в сражении с которым,
Всей силой, капиталом нанятою,
Не выдержит и самураев мразь.
Вся наша сила – это связь с народом.
Крепить ее нам надо год от года.
Разрыв с народом – гибель наша. Так
И должен понимать себя
Из нас, корейцев, всяк.

Японцы гибели хотят нам,
Нашей смерти ждут.
А ты не понял этого, Сок Чжун!

– Я понимаю,– процедил боец. –
Всю тяжесть, всю вину, все преступленье…

Потуплен взгляд,
Дрожат его колени.
Холм наказанья перед ним встает.
Как миновать ему такой могилы?
Трава, что леденеет от мороза,
Наверно, более жива, чем он.
И сердце уж сцепил смертельный лед,
И слов уж больше нет,
И покидают силы.
Но только глаз не покрывают слезы,
Хотя так той виною потрясен.
И ясно всем товарищам: посмел
Так опозориться, так получай расстрел...

Гнетущее молчанье перед бурей.
Молчанье. Гробовая тишина.
Одна лишь в жилах кровь тут и слышна.
И что уж зря теперь им брови хмурить?

– Найди хозяина и расплатись
За этого быка!..

Разверзлась высь,
Воспрянул строй – и замер.

Вот каков
Их командир!
Пред ним что сталь штыков?
И цель, и сердце, монолит отряда –
Ему надежда, крепость и отрада.

6

Уж десять дней,
Как лагерь партизан
Раскинут в горных рощах.
И крестьян
Из каждого села сюда влечет.
И день и ночь идет сюда народ.
Корейцы и китайцы,
Как вперегонки,
Спешат помочь отряду.
Не легки
Усилья бедняков.
Но уж в народе так, –
Последним делится
Для общих дел бедняк,
И помогали раненых лечить.
А чтоб карателей постылых заманить,
Отправили комвзвода.
Как нелегко им биться за свободу!..

И все ж все эти
Десять долгих суток
Спокойно командир

Не мог спать ни минуты.

И вот пришел безвестный человек,
Рабочий с виду. Краснота же век
Наглядно показала, – долго шел,
Не пил, не ел.
Ни с кем торгов не вел.

– От Чхор Хо.
Письмо, малютка-карта...

И новым вмиг отряд объят азартом.
Рассвет забрезжил над хребтом высоким,
И двинулся отряд к юго-востоку.
Хребты и скалы перед ним лежат,
Дорога горная трудна и далека.
Но нет, не остановится отряд,
Не выронит винтовку тут ничья рука!..

Ведь даже в зимних ледяных ночах,
Когда, в предсмертном страхе воя и рыча,
От лютой стужи цепенеют волки
И птицы цепенеют на лету,
Скажи-ка партизану: – Эй, умолкни!
Куда идешь в такую мерзлоту? –
Ответит он, хотя и весь продрог:
– Там впереди ведь мой Юго-Восток...
И он идет по этому пути,
Ни голода, ни холода не зная.
Ему других дорог и не найти,
Лишь там она, его страна родная.

Путь к Родине!
Во сне и наяву
Владеешь ты мечтою партизана.
И если он падет в пути в каком-то рву,
Пройдя бои геройски, неустанно,
Не вставши на порог
Родительского дома,–
Пусть прах его
В святой земле родной
Земной последний обретет покой.

Путь к Родине!
Суровый путь борьбы!
Веди, веди, как вечный зов судьбы,
Неукротимых преданных бойцов
В далекий дивный край Юго-Восток,
Туда, где за великою рекой Амнок
Лежит священная земля отцов!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Затихла перестрелка.
Прозвучал
Последний выстрел над безмолвьем скал.
Чхор Хо бежал по каменистым склонам,
Стучало сердце часто, тяжело.
Огнем схватило глотку,
Как на зло,
Горели ноги болью распаленной.

В ночном лесу огромные деревья
Стеной стояли тесной под луной.
Край незнакомый, бездорожный, древний,
До камушка последнего чужой.
Он раненного мальчика
На сизый мох кладет.
Что ж колыбельную
Мир звездный не поет?

– Ен Нам...

Но тихий стон ему в ответ.
Течет по куртке кровь,

И темен белый свет.
Ужель могилку ты ему готовь?

– Ен Нам, пойдем.
Пойдем в Сольге со мной...

Не может шевельнуть и головой.
Как мать больного сына,
На руки берет
Он осторожно мальчика,
И в ночь его несет...

2

О, ночь несчастья!
Только перешли
Реку Амнок –
Заградотряд врага.
О, ночь несчастья!
Чхор Хо тут одинок,
С мальчишкой на руках.
Он полагал
Живым его доставить.

Но молчал
Друг недвижимый,
Не пришел в сознанье.
Бредет, и сам себя едва влача,
На северо-восток,
К Сольге, в густом тумане.

Как каменисты склоны!
Горный путь
Не даст тебе и малость отдохнуть.
Чем дальше,
Тем мучительней и круче
Дорога, и туман густее тучи.
Ну расступись же ты,
Туман кудлатый!
А позади — японские солдаты.

Вы, путники могучих этих гор,
Вы, проходившие по этим диким тропам,
Должны понять, как изнурен Чхор Хо,
Придите же помочь ему хоть кто там!
Хотя бы в мыслях тайных,
Хоть в мольбе!
Товарищами станьте же в борьбе!
Сотрите пот ему со лба
И помогите
С печальной ношею войти в обитель
Умолкнувшей Сольге!
Пусть нет названья
Пути ночному этому,
Но в мирозданье
Бессмертным он войдет,
Известен станет всем,
Не миновав романов и поэм,
И дальнею заветною порою
Он связан будет с именем героя.

3

Чхор Хо не знает,
Сколько ли прошел,
И сколько времени прошло –
Не уследил.
И лишь одна терзала мысль – иди!
Спаси же мальчика!
Осталось сколько сёл?

И на заре,
Когда почти добрел он
До спрятанной в горах Сольге,
Ен Нам впервые слабый голос подал
И жилка дрогнула
В застынувшей ноге,
Как будто жажда детская воскресла –
Шагнуть хоть шаг короткий самому.
И сердцу детскому
В груди так стало тесно!
И тихо молвил мальчик:

– Никому...
Зря не отдай...
Доставить донесенье...

О, детская отвага,
Не детское терпенье!

– Воды... –
Едва проговорил.
– Попить...

Пришлось парнишку снова положить
На землю, сам же к тихому ручью,
Бежавшему в овраге
По траве зеленой,
Под старою сосною,
В тишину влюбленной.
Вот это уголок! Такой родной.
Но – чу!
Вдруг что-то озарило.
Горный гребень?
Нет, облака идут
В лилово-синем небе.
И вдруг привстал,
Сжимая кулаки.
И – вскрик:
– Да здравствует свободная Корея!..

И вдруг кругом запели ручейки
Родную песню,
К Родине радея,
И эхо гор откликнулось ему.

– Родимый край,
Быть счастью твоему!..

Так призывает
К жизни и сраженью

Подстреленный злодеем буревестник
И падает у берега на камни,
И машет сломанным своим крылом.
И человек ведь создан для боренья,
Всегда он веку своему ровесник,
Шагать ему в грядущее веками
И что ни век –
Над головою гром.

А мальчик снова
На траву упал.
Две струйки крови изо рта.
С росою
На травке каплей жизни молодою
Они слились.
И замерла тропа.
Глаза туманным облаком покрыло.
А ветер... Тихо ветви шевелил он,
Как будто колыбельную певал
Над мальчиком умолкшим
Между скал...

4

Под старою сосною на опушке
Чхор Хо копает мальчику могилу.
И падали вдруг у героя силы,
И на ветру вдруг становилось душно.
Кто знал, что тут
Расстанется навек

С борьбой и жизнью этот человек,
Храбрейший мальчик,
Сын родной отряда,
Душа которого чиста,
Как родничок,
Бегущий с гор,
А сердце жизни радо,
Любовью к Родине полно,
Как только мог
Любить Отчизну верный сын ее.

И Чхор Хо ей сердце гордое свое
Навеки отдал.
И вот эта смерть...
Ему бы крикнуть ей в упор:
– Не сметь!..

А он копал могилку.
И слеза
На землю капнула...
И рассказать нельзя,
Как тяжела потеря,
Горе глубоко...

Тут столько жизней
За черту веков
Ушло!
Но это не с чем и сравнить.
Такое детство
Пулею убить!..

Корейской революции бойцы
Здесь многие лежат,
Лихие храбрецы.
И по ущельям,
И на холмах,
Под деревом, под камнем,
Под скалой
Покоится их благородный прах,
Навек засыпанный родной землей.

Безвестные могилы
Тут от всех укрыты.
И кто в них спит, –
Не знает уж никто.
Ты, дровосек,
Хоть горем и убитый,
Руби деревья осторожно, что
Они оберегают?
Души павших
За Родину отважнейших бойцов.
История не знает бед вчерашних,
Все беды – наши,
Все тут налицо.

Ты, путник
Величавых этих гор,
Не трогай камни у дороги горной.
Кто знает, может,
С тех далеких пор
Под ними кости тех,
Кто бой вели упорный

За Родину и за родной народ,
Еще живым лицом
Упавшие вперед...

5

Бежит тропинка
По скалистым склонам,
Тропинка, за которую туманы
Цепляются и падают к ногам
Кот Пун, к ручью идущей за водой.
Здесь, у ручья
Есть камень потаенный,
Где спрятан от японских атаманов
Ротатор, ей надежнейший слуга,
Готовый ей служить печатною строкой.

Идет неспоро, медленно девчина
И думает все ту же сказку-думу
О нем, о партизане молодом.
Где он сейчас,
И весел ли, угрюм ли,
Не одолела ли его тоска-кручина,
И не заснул ли непробудным сном?
Японских тварей сколько ведь кругом...
Да и зачем о нем воспоминанья,
Зачем ей эти новые страданья?..

6

Цветет багульник.
Утром лепестки
Осыпали серебряную воду.
Им хорошо в тепле ее руки!
И вянуть не хотят –
За это ей в угоду.
И отраженье глаз ее блестящих
Сияет в светлом зеркале бурлящем.

«Ужель не встретимся?
А наши души,
Быть может, где-то встретятся когда?»
Вот девичий покой
Ее вдруг и нарушен.
Что в этом – счастье,
Иль опять беда?..

«О чем я думаю!» –
Вдруг спохватилась.
Мечты, мечты...
И словно бы на зов,
Несмело оглянулась.
Божья сила!
Так это ж он!..
И не хватило слов.
– Чхор Хо! Чхор Хо!..

И в голосе ее
Испуг и счастье.
Вот оно – твое
Мечтанье и сбылось.
И лепестки роняет
В бегущую серебряную воду.
Но что ж Чхор Хо ее не обнимает?
Грозит ли что их боевому роду?..

– Что с вами?
– Утром умер наш Ен Нам...
– Какое горе!..

По ее щекам
Бежит слеза тугая за слезою
И сердце рвется болью неземною.
У скорби этой нет на свете дна.
Бойцам судьба такая суждена...

Всего лишь час –
И вновь Чхор Хо в поход.
Теперь уж с ним она.
Узнал лишь то народ,
Что в город продавать цветы они уходят
Багульника, любимого в народе.
Они их, неразлучные друзья,
Набрали у заветного ручья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Амнок, Амнок, великая река!
На сотни ли твои сияют воды
И льются в море.
Дивны берега
Твои, и вот густой туман
Их накрывает темной пеленою
И одинокий плот,
Гоним его волною,
И никому тут никакого брода,
Как будто ты – великий океан.

Накрыл туман и одинокий плот,
Что по теченью вниз не торопясь плывет.
На нем избушка маленькая, в ней
Печальна песня все слышней, слышней:
«На дудочке играя,
Плывем мы по реке.
Поля родного края
Остались вдалеке.
Нам плыть по глади синей
Немало сотен ли,
И мы плывем к чужбине
Из отческой земли...»

Зачем такая грустная она?
Но что поделать, такова страна,
Судьба народных песен – это зов
Земли-страдалицы и дедов, и отцов.
Да как же песням тут и быть иными,
Когда японцы из столетних сосен
Построили себе хоромы? Спросим
Хотя б кого, – когтями тут такими,
Грабительскими, подлыми, чужими,
Кто губит долы, реки и леса,
Уничтожается Кореи дивная краса?
Японцы веселятся, водку пьют,
А нищие дома корейские дряхлеют,
И вековой корейский рушится уют,
Рыхлеют крыши и столбы гниют
И сами души у крестьян немеют...

2

Когда стемнело
И прохладный вечер
Над волнами Амнока крылья распростер,
На берегу скалистом,
Далеко-далече,
Чтоб слышали его и гребни гор,
Послышался тяжелый свист,
И сразу
В ответ ему в избушке на плоту,
Как будто пробужденный светлый разум,
Зажегся маленький фонарь,

Пронзивший темноту.

И плот, качаясь,
К берегу пошел.
И двое смело на берег выходят:
Чхор Хо и плотовщик.
О, как тут хорошо!
Вот так бы было и всегда в народе.
Бесшумно, быстро,
Тихие, как тени,
Спешат бойцы,
Сыны всех поколений,
Скользя среди камней.
Невзрачный, грубый плот,
Неси героев этих по волнам вперед!
Теперь ты – мост к родимой стороне,
Плавучий мост на ласковой волне,
Так приведи твоих родных бойцов
К берегам Отчизны, к той земле отцов,
Такой неоценимой, долгожданной!

И мост плывет,
Скрипя в дали туманной.
И слышится во тьме
Негромко и отрадно
Напев корейский
Столь родной и ладный:
«Пусть далеко от дому
Нас волны унесли,
Но к берегу родному
Вернутся корабли...»

3

И вот она –
Корейская земля,
Терзаемая злобными врагами,
Где у корейца сгублены поля
И негде положить
Над ним могильный камень.

Я спрашиваю
Наших партизан, –
Давно ль они реку переходили
С той стороны, с корейской,
Сколько стран,
Чужих дорог они исколесили,
Как нищие, которые брели
К безвестным берегам
Чужой пустой земли?

Тогда кто помнит, –
Ветерок вздыхал, –
Как прежде здесь реку переходили,
Как волны бурные реки Амнок
О каменные скалы разбивались
И брызги их, подобные слезам
Корейцев, проходящих здесь,
Как просоленный шквал,
К великому восстанию будили,
Как выл над судьбами зловещий рок

И даже малые мечтанья не сбывались,–
Так кто ж вел счет таким лихим векам?
Пожалуй, только ты, река Амнок...

Амнок, Амнок,
Великая река!
Сегодня, бурно подымая волны,
Греми, греми,
Вдарая в берега,
Чтобы набатом раскатилось эхо
По всем просторам отческой земли!
Сегодня вновь
Ее сыны вернулись
Из дальних гор Чанбая
В край родной –
И пламенем сердец вольнолюбивых
Вновь осветили путь перед собой.
Такое непредвиденное диво!
Прими детей своих,
Страна родная!

Амнок, великая река!
Всей мощью бурно подымая волны,
Греми сильней,
Чтоб эхо раскатилось
На всю Отчизну,
Спящую безмолвно,
И каждого на подвиг пробудило
И чтоб, одолевая горные горбы,
Пришли сюда сыны родной Кореи

И чтоб зажгли над Родиною всею
Костер Освободительной борьбы!

4

Лежит в ущелье горном городок.
Давно пробило десять.
Горожане
Уснули, погасив
Последний фитилек,
Закрыты магазины,
Где сказанья
Былые пересказывались,
Споры
Горели во весь пыл
И торги шли,
Да обмануть друг друга не могли,
Закончив все
Скандалом иль укором.

Затихли даже кабаки ночные.
Японцы, перепив,
Оря не без порока
Вульгарную «Кусаци Оитоко»*,
Вернулись по домам
От пьяных падших шлюх,

---

* «Кусаци Оитоко» — вульгарная японская песня.

Сюда для развлеченья привезенных,
В сны утонули, изверги чумные,
Забыв про все заветы и законы,
И каждый, взвыв, перегорев, потух.

А на окраине,
В лачуге тихой,
Где лодочника бедная жена
Сегодня утром потеряла мужа,
И причитанья стихли,
Не слышна
Ее тоска,
Лишь тягостное лихо
Над хаткой веет,
Да стучит натужно
Больное вдовье сердце.
Дети спят,
Похожие на старцев и галчат,
На изможденных старцев и недужных.

5

Давно пробило десять.
Город спит.
Лишь тускло светят фонари ночные,
Чуть освещая улицы немые.
Участок полицейский весь храпит.
Дежурный, задремав,
В немотный мир ушел,
Облокотясь о кривоногий стол.

Да вдруг его и разбудили крики
Какой-то женщины,
Втолкнувшей в дверь мурлыку,
Оборванного, пьяного, такого,
Что на ногах стоять не мог.
– Какого
Ты черта привела его? – кричит
На бабу полицейский.
– Вот бурчит,
Что денег нет,
За водку мне не платит!
– За-чч-чем платить? –
Смеется покупатель. –
Смеш-шно, ей-богу...
Оборванец, вишь?
– Чего смеешься?
Перед кем стоишь?
Я научу тебя,
Корейская собака,
Как тут вести себя!
У, забияка!..

Вскочил дежурный,
Вскинув кулаки.
Да вдруг удар в висок
Тяжелым пистолетом.
И грохнулся, хрипя,
Прощаясь с белым светом,
Откинув плеть
Обмякнувшей руки.

И тут Кот Пун
Подходит к телефону
И режет провод.
А Чхор Хо сигнал,
Фонарь, в момент зажженный,
Вздымает высоко.
А город тихо спал.

И где-то рядом
Сразу выстрел грянул,
Застрекотали выстрелы вокруг –
На почте, в банке,
В городской управе,
У лесоразработчиков,
И пулемет путь прочертил багряный –
Трассирующих пуль
Аж вереницу дуг.
Так начат путь
К святой победной славе.

6

Враги бегут,
Как крысы, кто куда
И падают под гибельным обстрелом.
Горят тюрьма,
Японская управа,
Дома японцев
И предателей народа.
И пламя,

Высоко вздымаясь в небо,
Все озарило в городе ночном.
Впервые здесь,
За рабства горькие года,
На улицах,
Врагом остервенелым
Растоптанных,
Сопротивления могучий голос правый,
Всесильный голос правды и свободы
Взыграл. Вот так
Все поднялось везде бы,
Призывом и надеждою
Звуча, как грозный гром.

По улицам,
Восставшим ото сна,
Бегут мужчины, женщины и дети,
Как бы в землетрясении страна,
И с непокрытой головой старик
Бежит со всеми к площади, туда,
Где толпы, озаренные пожаром,
Шумят и плещут, как морской прибой.
И вдруг затихло все,
Примолкло все на свете,
И как из сказки,
Человек возник,
И площадь замерла пред ним, горда
Своим таким решительным ударом
По всем врагам в неволи вековой.

И во главе железного отряда –

Сам Ким Ир Сен,
Как доблесть, как награда,
И поднял руку с саблей обнаженной,
И блеск пожара отразила сталь.
И голосом,
В сраженьях закаленным,
Он говорит, и услыхала даль:

– Корейцы!
Это огненное пламя –
Обрушенный на хищников огонь!
Жива душа Кореи!
Долгий перегон
Свершили мы по всем нагорьям с вами.
Пусть бьется сердце
Гневом и огнем
Бессмертного корейского народа!
Сильнее раздувайте пламя,
Все невзгоды
И всех врагов
Оно сожжет дотла
В неистовом биении своем!
Пусть воля разгорается, смела!
Японцев и предателей – на слом!..

И грянуло могучее:
– Мансэ!..
Могучее корейское «Ура!»
Весь город потрясло от края и до края.
И пламя, в небо высоко вздымаясь,
Пронзило ночь над древнею землей.

И трепетать ему победно до утра –
Зари победной, гордой, боевой.

7

И, озаренные багровым светом,
Исполнив долг,
Ниспосланный судьбой,
С революционной песней боевой,
Уходят партизаны
В новый правый бой,
Готовы предков выполнить заветы.
Луч веры и надежды принесли сюда,
Теперь – вперед, на долгие года
Борьбы, побед,
И счастия, и бед.

Их толпы провожают горожан.
– Счастливого пути, герои наши!..

И долго будет в памяти свежа
Такая встреча.

– Пусть не будет страшен
Вам никакой удел там впереди!
Победы, счастья вам!..

Огонь в груди
Горит у каждого,
Тем пламенем окрашен.

И слезы на суровых лицах их,
И пламени неугасимый свет.

Да здравствуют стремления живых!
Народу – новых боевых побед!..

– И вам, друзья,
Счастливо оставаться!
Не отступайте в праведном бою!
Крепите узы равенства и братства,
Не посрамите Родину свою!
На боевом пиру освобожденья
Еще мы встретимся, товарищи!..

Вперед
Повел их голос совести и мщенья
Японским хищникам
За свой родной народ.
И, раздвигая тьму,
Походным твердым строем
Идут вперед народные герои.
И тверд их шаг,
И ясно-светел взгляд.
Их поле боя ждет.
Им нет пути назад...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Через ущелья, горы и леса
Они выходят на реку Амнок,
Готовы эти волны одолеть.
Но до чего же дорога краса
Родимых мест!
Нет, их любой поток
От Родины святой не оторвет.
Любить ее, лишь ею и болеть
Всю жизнь – вот каждого зарок!
Так тяжко с Родиной расстаться...

Но теперь,
Уж не считая никаких потерь,
Их путь – не горький,
Скорбный путь изгнанья,
Он – путь возмездья, славы и борьбы.
И словно это все
Приняв в сознанье,
Всей глубью это осознав, река
Встречает сыновей Кореи, не убив
Их настроенья, хоть издалека
Им видится соседский лишь приход.
Великая река встречает их, зовет

Веселым блеском темносиних вод.

Приходит ночь.
И под ее покровом
Плоты сбивают партизаны.
Словом,
Работа споро близится к концу.
Но вдруг с холмов покатых и крутых
Раздался гром орудий полевых.
И закипели воды мирного Амнока
Под взрывами снарядов.
А вдали
Послышалась стрельба
Тяжелых пулеметов.
Не терпится японцу-подлецу,
Сюда войска разбойников жестоких
Спешат, глаза слепые водкою залив,
На дьявольскую, дикую работу,
Чтобы прижать к реке корейцев, окружить
И уничтожить их, со свету сбыть.

Окружены! – мелькнула мысль.
И вот
Один боец уже метнулся в воду,
За ним – другой. Японцам же в угоду!..
Но выстрел панику немыслимую рвет,
Другой грохочет.
Спешно отдает
Сам Ким Ир Сен приказ,
Взбежав на плот:

– Слушай мою команду!..

И как в един кулак,
Отряд сцепился.
Это слышал всяк.
Лишь два мерзавца
В клятве отступили,
Их волны безотрадно поглотили
И неотступно унесли во мрак.

2

– Спокойствие, друзья! –
Гремит во тьму. –
Не прекращать работы никому!..

Под градом пуль
Сам командир с бойцами.
И лишь звено прикрытья –
В тесных скал проход.
Там с самыми надежными друзьями
Отважнейший в сражениях Чхор Хо.
И вот плоты готовы.
Основной отряд
В ночном тумане к берегу другому
Отправиться готов.
Орудия гремят,
Готовы потопить отважных партизан
В немыслимо бездонный омут.
Стальною лавой

Огненный металл
Японец обезумевший метал.
Ужели огнедышащий вулкан
Твердь горную прорвал,
Как истукан?

Последними на новый плот вскочили
Два друга, будто соревнуясь в силе:
Чхор Хо вначале,
А за ним Сок Чжун.
Но грянул взрыв –
Чхор Хо, сцепив уста,
Упал без памяти на край плота.
Но с глаз долой ту смертную межу!

Борьба не кончена,
Вся битва впереди.
Кругом все пенится,
Грохочет и гудит.

3

А позади,
Лишь в двух шагах, в тумане,
Орут японцы,
Взять готовы плот.
И Чхор Хо,
Едва придя в сознанье,
Гранату раненой рукою достает –
И с злобою бросает в пьяный сброд.

Разрыв –
И стоны
В пьяном вражьем стане.
И Чхор Хо – последнюю гранату.

– На же, гад!..

Но прилетел драконовский снаряд –
И на две части плот,
И сущий ад в разверзнутом тумане.
Сквозь черный дым и пламя видит Чхор Хо –
Сок Чжун упал,
Сдавив винтовки ствол.
Пытается поднять его, – но нет,
Товарищ мертв,
Погас во взгляде свет,
И ни единой жилки дрогнувшей в ответ.

И снова – свист снаряда,
И разрыв.
Вода кипит, обоих поглотив...

4

Японцы, потеряв надежду, замолчали.
Плоты тихонько к берегу пристали.
Над берегом звенит девичий зов,
Он кличет добрым сердцем молодцов:

– Чхор Хо! Да где же вы?

Чхор Хо! Сок Чжун!..
Зовет друзей потерянных Кот Пун.
И я ей ничего не подскажу.

– Чхор Хо! Чхор Хо! Сок Чжун! –
Зовет и Ким Ир Сен.

Но нет ответа,
Лишь волны бьют о плот.
Не веря в это,
В отчаяньи опять зовет Кот Пун:
– Чхор Хо! Да где же вы? Сок Чжун!..

Но нет ответа на девичий крик,
Он тонет в непроглядной темноте.
И если б человеческий язык
Мог мертвых воскресить,
Дать силу красоте,
Он был бы так божественно велик.
Но уж не сбыться и такой мечте...

5

На горном склоне,
У крутой скалы,
В шеренгах замерли отважные орлы.
В строю сам командир
И все бойцы отряда –
Сун Сон, Кот Пун,
Лишь только без наряда.

Но нет еще в рядах
Чхор Хо и верного Сок Чжуна.
Они под плеском пенистым буруна.
И с гневом партизаны в даль глядят,
Окутанную мраком.
Нем в строю солдат.
Оттуда лишь каратели палят
В бессильной злобе на лихой отряд.

– Товарищи! Друзья мои! Бойцы!
Отважные в сраженьях храбрецы!
Мы долго бились с вами на чужбине
За Родину свою. Но мы отныне,
Прорвав защитный вал японских псов,
Уж бились гордо на земле отцов.
Враги еще коварны и сильны.
Друзья! Кореи-Матери сыны!
Мы вновь пришли через реку Амнок,
Оставив там двух доблестных друзей.
Но наших подвигов
Вновь ждет родной Восток,
Всем сердцем веря в доблесть
Честных сыновей.
Мы Родине свободу принесем!
Мы память о друзьях навеки сохраним.
Все старое, японское – на слом!
Корею новым светом озарим!..

В рыданьях дрогнул голос командира,
Бойцы смахнули слезы кулаками,
И горестно захныкала Кот Пун...

И облако туманное над миром
Вдруг опустилось. Горькими словами
В сердцах забились гулы тонкие струн,..

6

– Товарищи и братья!
Прошлой ночью
Лишь небольшой японский гарнизон
Мы разгромили.
Видели воочью,
Как пламенем был город озарен.
И пламя это,
На просторе рея,
Зажгло костер в груди
Измученной Кореи,
Костер сопротивленья и борьбы.
Вот это выше боли и мольбы.
Атака свершена.
Мы отступили.
Но мы придем
В родимый дом опять.
Мы о своих заветах не забыли.
Да здравствует Корея!
Жди, Отчизна-Мать!
Мы в верности тебе клянемся свято,
Твои сыны все
И твои солдаты!..

И шашку выхватил,

И ввысь взмахнул клинок.
И голоса бойцов слились в один поток,
И лес винтовок вырос, как в бою
За Родину священную свою.

– Корея, мы придем!
Ты нас с победой жди.
Не остановят нас ни бури, ни дожди,
И ни японский озверелый штык!
Порыв наш и священен и велик.
Покуда жив народ,
Нас не сломить врагу.
В сыновнем мы перед тобой долгу.
Не одиноки мы
В своей борьбе заветной, –
На нашей стороне –
Она, Страна Советов,
Надежда угнетенных бедных стран,
Надежда всех порабощенных наций.
Страницу новую истории земли
Она открыла. Ей могучий дан
Свободы голос. В гуле демонстраций
Ее мы тоже слышим голос свой.
Корея! Твой приказ
Идти вперед велит.
И меч возмездия настигнет самураев,
Клянемся в том тебе, страна родная!

Так он пред строем боевым сказал.
И: «За победу, партизаны, – залп!..
Героям – память вечная!

В священном пав бою,
Навек прославили они страну свою.
Свобода! Независимость!
Рассвет родной земли –
Вот наш девиз!..»

И над горами круто
Вознесся гром заветного салюта.
Он прогремел на все три тыщи ли...
А Ким Ир Сен,
В сраженьях боевых
Пройдя через невзгоды многолетий,
Все так же прост,
Как и любой из них,
Ведь одного они народа дети.
Им жить мечтой и правдою одной.
Пусть гордый красный флаг
Взыграет над страной!..

ЭПИЛОГ

Пэкту, Пэкту, священная гора!
Перед тобой склоняются ветра,
Ты горные хребты зажал в руках,
Как спицы веера. Седою гривой
Ты машешь высоко над облаками.
Ты сотни тысяч лет
Открытыми глазами
Все видишь, что внизу перед тобой.
А тут перед тобой луга и нивы,
И дивные озера, и река,
И долгие страданья наших предков.

Скажи, в тот час,
Когда взошла заря
И кучевые облака нависли
Над синей чашей озера Небес,
И небо, новой синевой горя,
Будило в человеке сны и мысли,
А мрак, светила убоясь, исчез,
И играми мир огласили дети, –
Скажи, кого ты встретил на рассвете?
И, взмахивая белоснежной гривой,
Нам отвечает древняя гора:

– Все предо мной живет
Тревожно и игриво, –

Учитель мыслит, лечат доктора,
Работой люди заняты большой,
И лето дышит доброй теплотой.
Но слушайте меня, – я говорю,
Что с радостью встречала я зарю.
Она взошла, когда река Туман
Покрылась пеной,
Кровью свежих ран,
Когда снаряды рвали волны в прах
И партизаны в сумрачных горах
Шквал огненный кидали самураям,
На вражьи легионы наступая, –
Тогда меня окутал дым сражений
И я, седой старик, омоложенье
Почуял в жилах, думах и костях.
Тогда и встретил я солдат Страны Советов,
Возлюбленного сына, Ким Ир Сена,
Влюбленного в Корею неизменно,
Которого так ждал родной народ,
Как совесть, как надежду,
Как мечтам оплот,
Как славу древней Родины своей.
И встретил тут тогда моих детей –
Сун Сона и Кот Пун душою всей,
И видел я у моего подножья,
Как плакали слезами счастья, то же,
Как волны, расходилось по планете.
Вот что рождалося тогда на белом свете.
И, возгласив свое освобожденье,

Жизнь вечную провозгласили мне.
И вижу я своим высоким зреньем –
Рабыней никогда не быть моей стране!
Тогда скажи, великая гора,
Что видишь ты сегодня на рассвете?
Все так же ли резвятся по утрам,
Встречая солнце, радостные дети?

И, взмахивая белоснежной гривой,
Нам отвечает Повелитель Гор:

– Сегодня вижу я
Свободный труд пытливый
Свободного народа, добрый спор
Лишь о заботах новых, о мечтах,
Поля, принадлежащие
Самим крестьянам,
Где небывалый зреет урожай,
Где счастлив тот,
Кто не ленив в трудах,
Встает народ и весело, и рано,
Минутой каждой новой дорожа.
Да вот еще я вижу Ким Ир Сена,
Главу движения побед, свобод.
За ним победно, смело, неизменно
Идет наш здраво мыслящий народ.
И вижу руку Дружбы, что к Отчизне нашей
Протянута Советскою Страной.
А гляну сверху на гору Моран –
И кажется, что вижу миллионы
Свободных граждан Родины моей,

Которых общая мечта
Свела в единый стан,
Мечта о будущем Кореи,
Всех ее людей,
В грядущее идущих неуклонно.
Другое вижу у горы Самгак*.
Вы слушайте меня, поля и горы!
Там царствует
Безумный лик террора,
Беснуется реакция, да как!
Там смерть гуляет в мерзкой наготе.
Но все сильней мечта о правоте,
Все ярче, зеленей сосновый бор,
И Южная гора зовет своих сестер
Сплотиться ради дружбы и свободы.
Как и велит великая Природа...

Так говорит Пэкту,
Великая гора.
Но глянув вдруг на юг родной Кореи,
Где юность прежде времени стареет,
Где не свободна даже детвора,
Как от удара, вздрогнула гора.
И ветер рвет охапки льда с вершины
И рушит прямо в озеро Небес,
Вздымая волны в небо, и на лес,
На вековые каменные скалы
Их ветром взбушевавшимся кидало,
А грохот потрясал и ось земли,

---

* Гора к северу от Сеула.

И все, что там раскинулось вдали.
Глядит на север, за седой Урал,
Где и не счесть вершин и горных скал,
Потом за Куэньлунь* закинет взор,
К отрогам Гималаев, в гущу гор,
Где строит жизнь по-новому Китай.
Ты должное и этому отдай.
Но в гневе кинет взгляд на Тихий океан,
Где над Фудзи** восход
Воинственно багрян.

– Послушайте меня,
Я говорю
Всю правду, хотя что-то и корю.
Здесь создается новая Корея,
И возрождаясь к счастью, и бодрея.
И чужеземных войск армады злые
Не смогут заглушить порывы золотые,
Она, я утверждаю, будет твердой,
Как скал моих величие и гордость,
Высокой, сверх вершин моих чудес,
И светлой, словно озеро Небес.

1947.

---

* Горный хребет в Китае.

** Гора в Японии.